

ОБ УКРАИНСКО-БЕЛОРУССКИХ ЯЗЫКОВЫХ СВЯЗЯХ

(на материале памятников полемической литературы XVI—XVII вв.)

Е. И. КЕДАЙТЕНЕ

Украинско-белорусский литературно-письменный язык давно привлекает к себе внимание исследователей. Ученые интересовались многими вопросами, связанными с образованием литературно-письменного языка украинской и белорусской народностей, который именовался „западнорусским“, „русским языком“, „русскою мовою“. В лингвистической литературе неоднократно ставился вопрос о диалектных истоках этого языка, однако и до настоящего времени он остается еще недостаточно изученным. Относительно проблемы диалектной основы „простой мовы“ существуют разноречивые мнения. Эти взгляды ученых глубоко проанализированы Л. Л. Гумецкой в статье „Вопросы украинско-белорусских языковых связей древнего периода“¹. Мы позволим себе лишь напомнить существующие точки зрения по данному вопросу. Большинство ученых, как Л. А. Булаховский², Л. Л. Гумецкая³, П. П. Плющ⁴ и другие, считают „простую мову“ общим языком для украинцев и белорусов. Некоторые белорусские исследователи склонны думать, что этот „западнорусский“ язык является языком белорусской народности. И, наконец, третья точка зрения совершенно противоположна второй. В „западнорусском“ языке усматривалась южная и юго-западная украинская диалектная основа.

Разрешить этот вопрос можно только всесторонне и глубоко изучив язык памятников древнего периода различных жанров.

Исследованные нами рукописи древней письменности (конца XVI в. — первой половины XVII в.), написанные в разных местах: „Диариуш“ — в Бресте, „Пересторога“ — во Львове, свидетельствуют о правильности взглядов тех ученых, которые считают „простую мову“ или другими словами „западнорусский“ язык общим украинско-белорусским языком.

¹ „Вопросы языкознания“, 1965, № 2.

² Л. А. Булаховский, Питання походження української мови, Київ, 1956, стр. 213.

³ Л. Л. Гумецкая, Вопросы украинско-белорусских языковых связей древнего периода. — ВЯ, 1965, № 2, стр. 44.

⁴ П. П. Плющ, Нариси з історії української літературної мови, Київ, 1958, стр. 130.

Прежде всего надо отметить, что язык этих памятников отражает диалектные особенности той территории, где написан памятник и где жил автор. Известно, что автор „Диариуша“ Афана сий Филиппович всю свою жизнь прожил в юго-западной части Белоруссии, и диалектные черты этой местности нашли отражение в языке „Диариуша“. Юго-западные говоры Белоруссии примыкают к северным говорам украинского языка, в прошлом они составляли один диалектный массив. В результате постоянного общения украинцев и белорусов в белорусских говорах засвидетельствованы языковые явления, свойственные украинскому языку. Язык „Диариуша“ характеризуется сочетанием специфических черт и белорусского, и украинского языков. Напр., на месте древнерусского ѣ в рукописи находим ѣ и и, что свойственно староукраинскому языку (в корне слов: *бида, бѣда, наричу т, зачим, ничим*; в суффиксах: *видилѣ, старийшины*; в местн. падеже у имен существительных: *на дереви, на сейми, в Варшави, на свѣтѣ* и т. д.); и вместо ѣ в то же время является диалектной чертой юго-западных белорусских говоров. В „Диалектологическом атласе белорусского языка“ на территории Бреста засвидетельствованы слова с и на месте ѣ: *б'ида, хл'иб, л'ис*.

Употребление же е вместо ѣ в рукописи редкое явление, оно отмечено лишь у некоторых имен существительных в безударном слогe: *в поле, в пределе, в Варшаве*. Как известно, е на месте ѣ является белорусской чертой, но это явление свойственно и североукраинским говорам.

Древнерусское ы в „Диариуше“ систематически заменяется и, что является специфической чертой украинского языка: *высилаючи, дирокѣ, вишов, тисячи, которий*. Правда, слова *тысяча, которий* с и употребляются и в старобелорусском языке.

Случай с ы в рукописи встречаются, но редко: *мыслячи, порывалѣ*. В некоторых словах находим смешение ы и и: *Владыславѣ, Владиславѣ*. В говорах на этой территории тоже отмечено и и ы: *д'им, дым, в'ил, выл, вс'и, ус'и*.

Представим другие фонетические черты из памятника, которые являются общими и для староукраинского, и для старобелорусского языков. Все они засвидетельствованы и в „Диалектологическом атласе белорусского языка“.

На месте праславянских сочетаний — *ѣжь, — ѣжь* обыкновенно употребляется *-ий, -ий (-ий)*: *великий, другий, злый* и т. д.

В рукописи обильно представлен материал, свидетельствующий о переходе е (из основных е и ѣ) в о после шипящих не только под ударением, но и в безударном положении. Напр.: *з жоною, шол, чому, бдучому, зжорнѣло, урожонои, речоные, престрашоний*.

е на месте а безударного после мягких согласных, какого бы происхождения это а не было (из *ja, ě*): *тисеча, мѣсець, выглядаю, з памети*. Перегласование а в е составляет органическую принадлежность народной фонетики, оно свойственно белорусским и североукраинским говорам.

Полногласные формы в описываемом памятнике более распространены, чем в древнерусских памятниках.

Отпадение и в слове *имѣти*: *мѣти, мѣла, мѣл*.

Появление у на месте лабиализованного о, как напр., в слове *пулковника*.

В области консонантизма также в основном находим черты, общие для староукраинского и старобелорусского языков. Все эти языковые особенности отмечены в говорах украинского и белорусского языков. Сюда можно отнести переход в перед согласными в *ў*: *у Вилни, у вечер*.

Появление *ў* на месте *л*: вишов.

Отверждение шипящих и *р*: *нашъ, за речъ, поневажъ, з монастыра, до Бранска, октобра, Рыму, календару, в рынку* и т. д.

В рукописи представлено уподобление по звучности одних согласных звуков другим. Это явление особенно заметно при предлоге и приставке *з*: *з воли, зломити, зъ ъмъ*.

В результате потери глухого *ъ* *чът* перешло в *шт* (*што*).

Обращает на себя внимание то, что местоимение *што* в такой огласовке находим только в начале памятника, а затем представлено последовательное употребление *що*. Наличие *што* в нач. але текста, а затем *що* можно, очевидно, объяснить тем, что в речи самого автора *што* и *що* были одинаково употребительны. В говоре же на территории Бреста отмечены *шо* и *шчо*, т. е. украинское *що*, которое нашло свое отражение в памятнике. Беринда дает перевод местоимения *что* словами *што* и *що*. Все это наводит на мысль о том, что в тот период *што* и *що* были одинаково употребительны в письменном языке. Здесь уместно отметить и такой момент, что в белорусском тексте (середина XVII в.), писанном арабским письмом, А. К. Антонович отмечает в нескольких случаях только одну украинскую черту — это лексический украинизм *шчо* (*що*).

Ассимиляция *ј* с предшествующим согласным в памятнике представлена последовательно без исключения: *каране, старане, првсвжене, мышлене, о преслѣдоване, смаковане* и т. д.

Древнерусская группа *кът* в рукописи передается посредством *хт*: *хто, ниhto, хто бы*.

Представленные наиболее яркие фонетические черты в области вокализма и консонантизма являются в основном общими и для украинского, и для белорусского языков. Кроме того, нами изучены морфологические особенности языка „Диариуша“. Формы склонений имен существительных, прилагательных, местоимений и формы спряжений глагола также являются общими и для украинского, и для белорусского языков и отражают народный язык. Напр., флексия *-ови (-еви)* у имен существительных муж. рода в дат. падеже ед. ч.: *священноинокови бороду урѣзалъ; Тому козакови му-силемъ за дорогу; мовил Петрови*.

Формы существительных с окончанием *и* в местн. падеже ед. ч. при определенных основах: *въ мѣсти Пинскомъ, на дереви, на тѣли, на неби и на земли*.

Формы существительных в дат. падеже мн. ч. с окончанием *-ом(-ем)*: *далъ всѣмъ людемъ; рознымъ особом и сенатором подати*.

Формы глаголов 3 л., ед. ч., первого спряжения без *т*: *не хсче, злым ся мянуе, каже волати и многие другие*.

Анализируемый нами памятник, отрывок из которого представлен в хрестоматии по старобелорусскому языку⁵, считается языковедами белорусского языка старобелорусским памятником. Исследователи же украинского языка используют его при изучении староукраинского языка⁶.

Фактический материал, извлеченный из этого памятника, свидетельствует о другом. Мы не можем согласиться с тем, что В. В. Аниченко считает „Диариуш“ А. Филипповича, напечатанный в „Памятниках полемической литературы в Западной Руси“⁷, белорусским списком⁸. При сличении нашей рукописи и печатного текста „Диариуша“ (из книги „Памятники полемической литературы в Западной Руси“) мы убедились в том, что текст напечатан с исследуемого нами оригинала, который хранится в Москве, в Историческом музее. Детальное изучение данной рукописи свидетельствует о том, что язык этого памятника нельзя так прямолинейно на основании нескольких приведенных примеров относить к белорусскому.

Кроме того, В. В. Аниченко не совсем правильно объясняет наличие украинизмов в „Диариуше“ тем, что А. Филиппович жил некоторое время на Украине, в Межигорском монастыре, где и усвоил особенности украинского народного языка.

Из всех предшествующих рассуждений, как нам кажется, вытекает вывод, что язык этой рукописи не старобелорусский, хотя памятник и написан на территории Белоруссии. И староукраинским тоже нельзя считать, так как в „Диариуше“ языковые особенности являются общими и для украинского, и для белорусского языков, а если и преобладают некоторые украинские черты, как напр., и вместо *ѣ*, и на месте *ы*, то эти явления свойственны также и юго-западным белорусским говорам, где жил автор, и где был написан памятник. Таким образом, народные черты этих говоров нашли свое отражение в „Диариуше“. На наш взгляд, язык этого памятника правильнее считать общим украинско-белорусским литературно-письменным языком.

Интересно проанализировать в таком же плане язык памятника полемической литературы „Пересторога“, написанного на другой территории, во Львове. Любопытно отметить, что в этой рукописи, автор которой является уроженцем Львова, вместо *ѣ* последовательно употребляется *е*, что является специфической чертой белорусского языка, и в очень редких случаях встречается и. Напр., *е* засвидетельствовано в корне слов: *утекли, умер, слепый, разбеглись, поведаячи, мечъ, мел, нам есникъ, веру, засели* и т. д.; в суффиксах: *значнейших, ширей*; в окончаниях наречий: *добре, зле, сполне, слушне*; в дат. и местн. падежах у имен существительных в ед. и мн. числа: *воеводе, в листе, на сейме, в справе, в Варшаве, в судехъ*; у имен прилагательных жен. рода в род. падеже: *до жадное, до рымское*; в окончаниях личных местоимений: *тебе, о мне* и многие другие.

⁵ Хрестоматія па гісторыі беларускай мовы. Частка першая, Мінск, 1961, стр. 419–425.

⁶ В. Ф. Сыч, Синтаксис украинской полемической литературы конца XVI – нач. XVII вв. (автореферат кандидатской диссертации), Киев, 1960 г.

⁷ Памятники полемической литературы в Западной Руси, Кн. IV – РИБ, т. IV, Петербург, 1878, стр. 49–156.

⁸ У. В. Анічэнка, Да пытання аб беларуска-украінскіх моўных узаемадзеяннях старажытнай пары. — „Slavia“, Ročník XXXII, Sešit 1, Praha, 1963, стр. 45.

И засвидетельствовано в местоимениях: *чим, за чим, с чим, свои* (им. падеж. мн. числа, жен. рода). Кроме того, в одном и том же корне на месте ъ находим и е, и и: *пріехали и пріихали, ехати и ихати, седит и сидельъ*.

Белорусской чертой принято считать и р твердое, которое также находим в „Перестороге“: *цара, трыкрот, рынку* и т. д. Но эти языковые явления: употребление е вместо ъ и отверждение (или сохранение твердости) р свойственны западным и северным говорам украинского языка⁹, которые охватывают и Львовскую область.

Описываемые народные черты нашли себе место в „Перестороге“, написанной на этой территории. Здесь звук е на месте древнего ъ в названных диалектных группах, как отмечает Ф. Т. Жилко, употребляется в ударном положении. В нашем же памятнике е на месте ъ находим не только под ударением, но и в безударной позиции. Наличие е в безударном положении, по всей вероятности, можно объяснить влиянием польского языка. Но, возможно, что е на месте ъ отражает орфографию.

Другие фонетические черты, как и твердое р, также являются общими и для „Диариуша“, и для „Перестороги“, хотя памятники и написаны в различных местах и разными по происхождению авторами: белорусом и украинцем.

В „Перестороге“ отмечаем переход древнерусского ы в и: *вымислилѣ, тысячами, осиплет, послышали, вiproвадилъ*.

Праславянские сочетания -ѣї, -ѣї передаются через -ый, -ий (-ій): *добрый, злый, вселенскій, второй*.

Переход ударного и безударного е в о после шипящих ж, ч, щ: *зложоны, назначоный, пришолю, товаришом, жона, чотыры*.

Наличие протетических гласных звуков: *увезде, увес*.

Отпадение и в словах *имети, имати: мает, мѣль*.

В области консонантизма тоже засвидетельствованы черты, общие украинскому и белорусскому языкам.

Переход звука в в ѣ: *уперед, увезде, у себе, у Варшавѣ*.

Отверждение шипящих ж, ч, ш: *ижъ, знайдешъ, будешъ, речъ, лечъ*.

Озвончение глухих согласных перед звонкими: *з высокости, з вязеня, з друку, прозбою*.

В „Перестороге“ в подавляющем большинстве случаев отмечаем шт < <чт: *што, штобы* и сравнительно немного с *що, щобы*.

Также, как и в „Диариуше“, в „Перестороге“ представлено большое количество слов, в состав которых входит группа — согласный + ѣ + гласный: *воланемъ, нарушене, розказане, по отеханю*.

Группа кѣт передается сочетанием хт : *хто*. Но имеются случаи и с *кто*.

Представленные фонетические особенности из памятника „Пересторога“ являются народными чертами.

Что касается морфологических особенностей этой рукописи, то они также представляются общими для обоих памятников и также отражают народный язык. Для примера возьмем формы склонений имен существительных.

⁹ Ф. Т. Жилко, Нариси з діалектології української мови, Київ, 1955, стр. 67, 70, 112; твердое р отмечает П. И. Приступа в говорах Брюховицкого района Львовской области.

Как в том, так и в другом памятнике в род. и местн. падежах у существительных муж. рода различных основ обильно представлена флексия -у (-ю); окончание -ю в твор. падеже у существительных жен. рода с нулевой флексией; окончание -ови(-еви) в дат. падеже у одушевленных и неодушевленных имен существительных; смешение мягких и твердых основ в жен. роде, в дат. и местн. падежах; отсутствие флексии -а во мн. числе у имен существительных муж. рода в им. падеже; окончание -ий в род. падеже мн. числа у существительных жен. рода мягкой основы; широкое употребление флексии -ов(-ев) в род. падеже мн. числа у имен существительных муж. рода; дат. падеж с флексиями -ах, -ех; наличие звательного падежа и. т. д.

В склонении имен прилагательных, местоимений, в спряжении глаголов в обоих памятниках в основном отмечаем одни и те же черты.

Различие в языке этих рукописей очень незначительно. Напр., в „Перестороге“ отсутствуют примеры с переходом а (из 'а, ē) в е (*погледаю, з памс-ти*), затем в нем более заметно влияние польского языка и некоторые другие различия, которые ни в коей мере не могут поколебать вывод о едином украинско-белорусском письменном языке этих памятников.

Vinias Valstybinis V. Kapsuko
universitetas
Rusų kalbos katedra

Įteikta
1965 m. lapkričio mėn.

APIE UKRAINIEČIŲ-BALTARUSIŲ KALBINIUS RYŠIUS

(XVI – XVII amž. poleminės literatūros paminklų medžiaga)

E. KĖDAITIENĖ

Reziumė

Straipsnyje analizuojama kalba senovės raštijos rankraščių (XVI amž. pabaigos – XVII amž. pirmosios pusės), parašytų įvairioje teritorijoje: „Diarius“ – Breste, „Perestoroga“ – Lvove. Šių rankraščių kalba atspindi dialektines ypatybes tos teritorijos, kur buvo parašytas paminklas ir kur gyveno autorius. Pateikti fonetiniai bruožai vokalizmo ir konsonantizmo srityje, taip pat morfologiniai duomenys rodo vieningą ukrainiečių-baltarusių kalbą, kuria buvo parašyti studijuojamieji paminklai.